

Галина Михайловна ЗАПОРОЖЧЕНКО

РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье исследуются организационные основы потребительской кооперации Сибири в дореволюционный период. В центре внимания – опыт деятельности городских сословных и рабочих потребительных обществ. Раскрываются социальные, профессиональные и функциональные аспекты их организации и управления. Делается вывод о том, что несмотря на определенные деформации, сибирской кооперации были присущи принципы добровольности, самоорганизации, самоуправления, позволявшие эффективно развиваться и функционировать.

Ключевые слова: Сибирь, столыпинские реформы, гражданское общество, потребительская кооперация, потребительное общество.

Предложенная П.А. Столыпиным программа системных реформ представляла собой национальный вариант модернизации России в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, от сословного к гражданскому, от неограниченного самодержавия к правовому государству. Идеология реформ базировалась на двух системообразующих и взаимосвязанных элементах: роли государственных институтов и необходимости раскрепощения человека в России, формирования нового типа личности – активной, творческой, созидательной, ответственной, с использованием ее энергии и самостоятельности во всех сферах жизни. В слабо структурированном российском обществе, которое еще находилось в начальной стадии трансформации в гражданское общество, столыпинские законопроекты имели огромное значение для вовлечения в единый модернизационный процесс большого числа активных и инициативных граждан. Персонификация ответственности для российской коллективистской ментальности являлась прорывом формационного значения, и кооперация представляла собой принципиально новое образование, основанное на самостоятельности, равноправии, личной заинтересованности [1, с. 21]. Иницируя новые задачи и улавливая импульсы, исходящие из общества, государство выступило проводником кооперативных идей, развивая в первую очередь кредитную кооперацию. «Индивидуальные хозяйства начали обрести “кооперативным кольцом” из кредитных, потребительских, сбытовых, закупочных, переработочных и других кооперативов» [2, с. 161].

Изучение реального процесса деятельности кооперации с необходимостью предполагает формирование четкого представления об организационных и хозяйственных основах многообразных видов, типов и форм кооперативов. Опыт деятельности городских сословных и рабочих кооперативов в Сибири в конце XIX – начале XX в. позволяет конкретизировать процесс формирования особого феномена – потребительской кооперации. Механизм функционирования кооперации включает в себя две системы – систему управления и систему материальной связи с участниками кооперативного движения, действующие в неразрывной связи как единое целое. И только в познавательных целях они могут быть рассмотрены отдельно [3, с. 257]. Задачей данной статьи является изучение организационных основ и процесса управления деятельностью городских и рабочих кооперативов Сибири в дореволюционный период.

В качестве методологического основания приняты сформулированные известным теоретиком кооперативного движения И.В. Емельяновым положения о том, что единственным исчерпывающим и неоспоримым критерием кооперативного характера организаций является их совокупная (кооперативная) структура. Кооперативные организации представляют собой сообщества экономических единиц, сохраняющих в процессе координации и интеграции свою самостоятельность и экономическую индивидуальность. В кооперативе множество независимых экономических участников координируют свою работу, но при этом каждый упорно и бескомпромиссно преследует свои частные экономические интересы.

Создание кооперативных обществ происходит только под давлением крайней необходимости, сложности согласования интересов усугубляются в ситуации с массами городских потребителей, нарастание происходит в прогрессии с количеством потенциальных членов. Хозяйственная стабильность объединений экономических единиц изначально очень низка. Центробежные силы действуют разрушительно, общеизвестным фактом является отсутствие кооперативного духа. Каждое кооперативное сообщество экономических единиц с самого начала насыщено центробежными разрушительными силами и поддерживается только благодаря давлению внешней необходимости. Социально-экономическая однородность является одним из наиболее важных условий успеха в кооперативной работе, позволяющих избегать взаимных подозрений. В отличие от капиталистического предприятия, которое по своей природе является тоталитарным экономическим образованием и подчинение всех составных частей которого предпринимателю оказывается его самой характерной и онтологической чертой, кооператив представляет собой демократическую организацию, совершенно несовместимую с диктатурой [4,

с. 257–260].

При исследовании кооперативной системы управления основополагающим является вопрос о порядке образования кооперативов. Принцип самостоятельности потребовал установления явочного порядка их открытия и закрытия по суду, однако в Российской империи с самого начала утвердился разрешительный порядок. В 1897 г. право открывать и закрывать потребительские кооперативы перешло от Министерства внутренних дел к губернаторам. Учредители подавали заверенное нотариусом заявление с просьбой об открытии потребительского общества и 7 экз. отпечатанного проекта устава в губернскую канцелярию. Губернское жандармское управление собирало сведения об их политической благонадежности. В 1915 г. рабочие со станции Тайга Томской железной дороги писали: «Дружная работа по организации потребительского общества начала вызывать сомнения. На днях, впрочем, урядник стал собирать справки о благонадежности. Значит, дело с уставом начало двигаться»¹

В случае утверждения устава потребительное общество заносилось в реестр торгово-промышленных заведений губернской казенной палаты и получало все права юридического лица. Сумма оборотного капитала и день начала торговли являлись отправными параметрами налогообложения. По истечении операционного года в казенную палату предоставлялся отчет о торговой деятельности по установленному образцу.

Принцип общедоступности ограничивался уставами сибирских кооперативов, которые составлялись на основании устава потребительных обществ, утвержденного МВД 13 мая 1897 г. В их состав не могли вступать учащиеся (их кооперативы регистрировались соответствующими ведомствами), военнослужащие (для них предусматривались лишь корпоративные потребительные общества), служащие правительственных учреждений, казенных или частных железных дорог и телеграфных предприятий (уставы которых утверждались МВД)²

Политически исключались властью губернаторов из состава кооперативов на основании 22-й статьи положения о полицейском надзоре, в соответствии с которой «лица поднадзорные не могли быть учредителями, представителями и членами в частных обществах и компаниях»³

До февраля 1917 г. единственным выходом для них была работа в кооперативе по найму. «Нет ни одного ссыльного, – писали жандармские чины в Департамент полиции из Минусинска, – который бы не принимал того или иного участия в кооперативном строительстве, дающем им заработок от 50 до 150 руб. в месяц»⁴

Реализация кооперативного принципа самоуправления осуществлялась на основе статей устава об общем собрании как высшем органе кооператива. Дата и повестка общих собраний утверждались в администрации, с надзорными целями присутствовал представитель полиции. Так, в 1916 г. в читинском «Экономе» и красноярской «Самодеятельности» администрация неоднократно запрещала обсуждение остро стоящего продовольственного вопроса, тесно переплетавшегося с проблемой демократических реформ в стране⁵

Для проведения собраний арендовались помещения городских управ, железнодорожных и общественных собраний. Постепенно сформировалась идея создания народных домов как центров кооперативной и культурной жизни, в пользу которых перечислялись фиксированные проценты от прибыли, доходы от торговли с посторонними, любительских спектаклей и т.п.⁶

Протоколы, отчеты о общих собраниях свидетельствуют о заинтересованном, нередко бурном характере их проведения, несмотря на низкий процент посещаемости: в Барнауле на собрание явилось 89 чел. вместо необходимых для кворума 520, в Енисейске из 700 чел. – 50, в Омске из 525 чел. – 23, в Новониколаевске из 1300 чел. – 40, в Чите на годовом общем собрании присутствовало 60 чел. – 1/20 всех членов, в иркутском кооперативе «Труженик» – 20 чел. из 4 тыс.⁷

За неимением кворума, который определялся уставом в количестве 2/5 всех членов общества, собрание теряло законную силу и превращалось в частное совещание согласно § 31 устава. Чтобы решение важнейших вопросов не затягивать на месяцы, сознательно шли на нарушение устава и объявляли повторное собрание законным при любом количестве присутствующих. Новониколаевская «Экономия», например, в сентябре 1916 г. изменила пункт устава об общем собрании, которое стало считаться законным при наличии не 2/5, а 1/5 членов или открывалось через час после назначенного времени при любом составе⁸

Успех кооперативной работы, как и в частном секторе, зависел от профессионализма управления в сочетании с активным материальным участием членов кооператива в образовании его капиталов. Правление, избираемое общим собранием на три года в составе 5–9 чел., осуществляло оперативное управление, ревизионная комиссия следила за соблюдением устава и исполнением решений общего собрания. В принципе двоецентризм был заложен глубокий смысл, позволяющий создать заслон от бюрократизации, злоупотреблений, некомпетентности. В томском «Деле» за 8 месяцев 1916 г. состоялось 56 заседаний правления, т.е. 6–7 заседаний в месяц⁹

¹ Сибирская жизнь. 1915. 29 авг.

² Восточная заря. 1910. 2 марта.

³ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 23. Д. 8. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 1916. Д. 20 ч. 25 «Б». Л. 43; Изв. О-ва потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 3. С. 20.

⁵ Голос Сибири. 1916. 8 сент., 30 дек.

⁶ Сибирская жизнь. 1916. 24 сент.; Объединение. 1915. № 7. С. 13.

⁷ Омский вестник. 1915. 11 авг.; Жизнь Алтая. 1916. 9 марта; Голос Сибири. 1916. 8 сент.; Сибирская жизнь. 1916. 6 июня.

⁸ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 35об.; Голос Сибири. 1916. 28 сент.

⁹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 62.

. Усложнившиеся в период Первой мировой войны условия торговли способствовали профессионализации деятельности кооперативного актива, а рост оборотов и прибылей обществ делал возможным оплату его труда или наём на соответствующие должности профессиональных торговых служащих.

Представительство различных социальных групп в руководящих органах не было пропорционально их доле в общей массе пайщиков. Например, в состав правления томского «Деятеля» в 1913 г. были избраны: служащий из крестьян, провизор, учитель из мещан, счетовод, сановный чиновник, учитель, издатель журнала. В Минусинске правление городского кооператива состояло из шести местных торговцев [5, с. 21]. В правление новониколаевской «Экономии» в 1912 г. были избраны: счетовод, владелец типографии, управляющий конторой, домашний учитель¹⁰

. Несмотря на наличие в составе этих обществ значительной прослойки железнодорожных рабочих, они не были представлены в органах управления. Если учесть низкий уровень посещаемости общих собраний, то можно считать справедливым вывод И.А. Фарутина о том, что «масса малообеспеченных членов кооперативов в силу недостатка подготовки и опыта, необходимых средств и времени, фактически была лишена возможности влиять на содержание и направление деятельности низовых кооперативных организаций, а уж тем более союзов» [6, с. 136].

Такая оценка дореволюционной кооперации, характерная для советского периода отечественной историографии и отчасти продиктованная идеологическим заказом, тем не менее верно отражала положение дел в потребительных обществах. На проблему внутренней разобщенности в кооперативах указывал И.И. Скворцов-Степанов: «Каким это способом кооперация подготовит массу потребителей к тому, чтобы она взяла управление производством и распределением в свои руки? На самом деле самое существо коммерческих операций, требующих специфической подготовки, навыков, связей и т.п. прямо исключает участие в них рядовых членов кооперативов» [7, с. 52]. Отличались от всесловных городских обществ рабочие кооперативы, состав правления которых состоял почти всецело из рабочих. «Руководители общества – исключительно рабочие, – писала газета о тайгинском «Труде». – Они отдают свой недолгий досуг кооперативному делу. Дни – за работой в мастерской, вечера – в потребилровке за ворохом деловых бумаг и обсуждений»¹¹

Конфликты между правлением и пайщиками в кооперативах с неоднородным составом были многочисленны и повсеместны. В барнаульском «Сотруднике», где столкнулись интересы «правлящих классов» (правления) и «представителей демократии» (оппозиционно настроенных пайщиков), внутренние противоречия вылились в ряд запальчивых статей в местной прессе с общим рефреном «Спасайте общество от правления!». Рядовые пайщики упрекали правление, что кооперативом руководит не народ. «Однако, – писал один из них, – злобные нападки на правление делу не помогут. Может быть, надо заменить правление, но приходят на собрание несколько десятков из четырех тысяч, разве не будет здесь узкой групповой борьбы за власть»¹²

. Ряд кризисов пережила новониколаевская «Экономия», после которых в конце 1916 г. «на общее собрание явились новые лица, были не только присяжные ораторы, но и выступающие из народа, а также большое количество женщин»¹³

. Конфликт между рядовыми железнодорожниками и правлением, куда входили представители администрации и конторщики, «заинтересованные лишь в дешевке и дивидендах», отмечался в 1916 г. в иланской «Трудовой копейке»¹⁴

. Правление томского «Деятеля» неоднократно подвергалось серьезной критике за то, что, действуя изолированно от общества, прибегало к сомнительной помощи знакомых лиц, в результате чего цены в его лавках подвергались недопустимым колебаниям. В качестве руководителей томского «Деятеля» состояли известные в Сибири кооператоры Д.И. Голенищев-Кутузов, П.Н. Стечкин, этнограф В.И. Анучин, участвовавшие в бурных дискуссиях по вопросам кооперативной демократии. В противовес правлению, которое считало, что участие членов общества в заседаниях правления создает путаницу и мешает работе, оппозиционная группа во главе с Д.И. Голенищевым-Кутузовым отстояла резолюцию о том, что в духе § 48 устава члены ревизионной комиссии имеют право посещать с совещательным голосом все заседания правления, а члены общества и служащие – его открытые заседания¹⁵

. Вопрос об открытии дверей обсуждался в 1916 г. в барнаульском «Сотруднике», где было решено «в интересах развития самостоятельности общества и самой кооперации допускать на заседания правления как членов, так и служащих «Сотрудника»¹⁶

Гарантами прибыльной финансовой деятельности потребительского кооператива являлись также честность и профессионализм служащих, которые работали по найму и не являлись членами кооператива. Ответственные служащие (т.е. нанятые по договору с артелью) обходились кооперативу в 2–3 раза дороже, но в условиях постоянных денежных и товарных недостатков гарантировали от убытков. Так, в Судженском обществе

¹⁰ Обская жизнь. 1912. 5 мая.

¹¹ Голос Сибири. 1916. 3 дек.

¹² Жизнь Алтая. 1916. 2 нояб.

¹³ Голос Сибири. 1916. 29 нояб.

¹⁴ Объединение. 1916. № 8. С. 19–20.

¹⁵ Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916. Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г. С. 26.

¹⁶ Степной край. 1916. 16 янв.; Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.

потребителей в 1916 г. крупная недостача была покрыта Пермь-Уральской биржевой артелью [8, с. 118]¹⁷

Характерным недостатком начального периода деятельности потребительных обществ являлось отсутствие квалифицированных кадров, в результате чего возникали убытки от воровства и плохого счетоводства. В черемховском кооперативе один за другим три приказчика оказались недобросовестными растратчиками, что едва не привело общество к банкротству¹⁸

. «Счетоводство было настолько плохо поставлено, – говорилось в отчете томского “Деятеля”, – что внушало подозрение ко всякой написанной в книге цифре. Пришлось искать опытного бухгалтера. И тут правление убедилось, насколько скверно экономить в средствах при постановке бухгалтерии»¹⁹

. Пришлось также искать опытного товароведа, в то время как первоначально обе эти должности выполняли выборные члены правления на общественных началах.

Политика по отношению к служащим характеризовалась внедрением принципов охраны труда и прав в духе решений Всероссийских кооперативных съездов, что выражалось в практике создания арбитражных комиссий и заключения коллективных договоров. В 1912–1917 гг. повсеместно происходило сокращение рабочего дня с 14 до 10 ч, повышалась заработная плата. «В Томском “Деятеле” оклады удвоились по сравнению с 1914 г. и стали такими, что служащие из частных фирм находили возможным переходить на службу в потребительное общество», – отмечало правление²⁰

. В Новониколаевске в 1916 г. для служащих была введена прогрессивная процентная надбавка. В Барнауле выдавали жалованье семьям призванных на войну служащих в зависимости от количества оставшихся членов семьи [9, с. 15]²¹

. За 1915–1916 гг. заработная плата служащих красноярской «Самодеятельности» повысилась на 50–100 %.

Стремление потребительных обществ проводить в жизнь демократические принципы отразилось и в ряде других моментов их деятельности: создании кредитных фондов для помощи бедным [10, с. 15]²²

, порайонных комитетов для наблюдения за работой магазинов²³

, организации Женской кооперативной лиги²⁴

В 1915 г. в журнале «Союз потребителей» были опубликованы результаты анкетирования, предпринятого в томском «Деятеле». Основной вопрос анкеты выяснял мнение членов общества о препятствиях успешному развитию потребительской кооперации в губернии, которые сводились к следующему: инертность потребителей, особенно во всехословных городских обществах; малое знакомство с принципами кооперации; желание только материальных выгод; осторожность правления в расширении торгового дела; отсутствие торговых навыков у руководителей; плохое счетоводство; отсутствие общей руководящей организации при закупке товаров; отсутствие кредита [11, с. 540–541]. Результаты анкетирования, а также зафиксированные в материалах периодической печати факты «барышничества, некооперативного, мелкоторгашеского поведения»²⁵

кооперативного актива обнаруживали недостатки, характерные для кооперативного движения того времени: скудость средств, непрофессионализм кадров, отсутствие опыта коммерческой деятельности, абсентеизм пайщиков. Газета «Голоса Сибири» писала: «Теперь, когда российская кооперация стала массовой, мы убеждаемся, что ей также не избежать пороков “гнилого запада”. Все чаще слышим мы о кооперативной спекуляции, о карьеризме и властолюбии вождей, сопровождаемых недоверием и подозрительностью членов. Практика массового кооперативного движения оказывается далекой от кооперативных идеалов»²⁶

Вместе с тем основные принципы внутрикооперативной демократии – добровольность членства, развитие самоуправления, борьба с эксплуатацией служащих – являлись вполне реальными атрибутами кооперативной жизни. Дореволюционный период деятельности свободной, добровольной и самодеятельной потребительской кооперации, действовавшей на частнопредпринимательской основе, представляется уникальным и, как показали дальнейшие события, исторически ограниченным [12, с. 69]. Опыт кооперативного предпринимательства простых рядовых граждан в совершенно новой для них области требовал перехода на более высокий уровень личностного развития, самосознания, индивидуальной ответственности, гражданской и деловой активности. Проявив гибкость, оперативность и завидную приспособляемость к недостаточно развитой экономической инфраструктуре и административно-бюрократическому воздействию властей, они в короткий срок создали эффективный механизм функционирования кооперации, способствовавший выживаемости относительно малообеспеченной, но достаточно многочисленной части населения в условиях рыночной экономики, осложненной тяготами Первой мировой войны. Обстановка военного времени, которая увеличивала в кооперации поток «кооператоров

¹⁷ ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 9.

¹⁸ Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхова Иркутской губернии, Балаганского уезда, с декабря 1912 г. по 1 января 1914 г. Иркутск, 1914. С. 16.

¹⁹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 17/7. Д. 99. Л. 7.

²⁰ Томское общество потребителей «Деятель»... С. 21.

²¹ Сибирская жизнь. 1915. 9 дек.; Жизнь Алтая. 1916. 18 мая; Голос Сибири. 1916. 21 окт.

²² Голос Сибири. 1916. 9 нояб.

²³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 29; Голос Сибири. 1916. 7 дек.

²⁴ Голос Сибири. 1916. 13 дек.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 16 нояб.

поневоле» в качестве пайщиков, а в качестве служащих – различных дельцов от торгового мира, затрудняла преодоление неизбежных трудностей роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
2. *Билимович А.Д.* Кооперация в России до, во время и после большевиков. М., 2005.
3. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.
4. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. Тюмень, 2005. (Вашингтон, 1948).
5. Самодеятельность. 1915. № 4–5.
6. *Фарутин И.А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Учен. зап. Калнингр. ун-та. Обществ. науки. Калининград, 1970. Вып. 4.
7. *Скворцов-Степанов И.И.* Потребительные общества и рабочий класс. М., 1917.
8. Ежегодник МСПО. М., 1916. Вып. 4: 1914 г.
9. Союз потребителей. 1916. № 3.
10. Сибирская деревня. 1916. № 9–10.
11. Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 540–541.
12. *Николаев А.А.* Перестройка органов кооперативного управления в Сибири в начале 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1.

*Статья поступила
в редакцию 03.02.2012 г.*